

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

УДК 314.145(470+571)

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

ISSN 2413-1407 (Online)

Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан

А. Ф. Валидова

*Центр семьи и демографии Академии наук
Республики Татарстан (г. Казань, Россия),
avalidova@gmail.com*

Введение. Поиск решения проблемы обеспечения демографического роста относится к наиболее актуальным вопросам государственной политики. В 2007 г. демографическая политика России пополнилась новыми мерами по стимулированию рождаемости. Целью настоящей статьи является анализ эффективности программ демографической политики, нацеленных на поддержку семей и рождаемости, т. е. имеющих пронаталистские цели на примере Российской Федерации и Республики Татарстан.

Материалы и методы. Для определения степени воздействия мер по стимулированию рождаемости используется метод регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости по каждой возрастной группе.

Результаты исследования. Полученные данные показали, что устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости в России и Татарстане начиная с 2007 г. практически полностью связана с рассматриваемыми мерами, тогда как число рождений зависит от многих других факторов. По результатам исследования было выявлено, что масштаб влияния мер по повышению рождаемости в Республике Татарстан несколько выше, чем по России в целом.

Обсуждение и заключения. Меры государственной поддержки снижают издержки, связанные с рождением ребенка, и могут поощрять женщин к рождению детей, что подтверждает гипотезу о положительном воздействии государственной политики на рождаемость. Для более точной оценки результативности мер демографической политики целесообразно учитывать изменение социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе, а также последствия тех мер демографической политики, которые реализовывались ранее или продолжают

© Валидова А. Ф., 2018

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution License (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>), which permits unrestricted reuse, distribution, and reproduction in any medium provided the original work is properly cited.

действовать. Результаты исследования обладают практической значимостью и могут быть использованы при разработке демографической политики в стране и регионе.

Ключевые слова: демографическая политика, рождаемость, репродуктивное поведение, программы по повышению рождаемости, семейная политика, демографический анализ региона

Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan

A. F. Validova

*Family and Demography Center, Tatarstan Academy
of Science (Kazan, Russia),
avalidova@gmail.com*

Introduction. The solution to the problem of ensuring demographic growth is one of the most pressing issues of the state policy. In 2007, Russia's demographic policy was supplemented by new measures to stimulate the birth rate. The objective of this paper is to analyze the effectiveness of the demographic policy programs aimed at supporting families and natality using the case studies of the Russian Federation and the Republic of Tatarstan.

Materials and Methods. To identify the impact of measures to stimulate the birth rate, the method of regression analysis was used; time series based on age-specific birth rates for each age group were presented.

Results. The data obtained showed that the steady trend of increasing the total fertility rate in Russia and Tatarstan since 2007 was almost completely related to the measures under consideration, whereas the number of births was affected by many other factors. According to the results of the study, the impact of measures to increase the birth rate in the Republic of Tatarstan is slightly higher than in Russia as a whole.

Discussion and Conclusions. State support measures reduce the costs associated with the birth of a child and can encourage women to have children, which confirms the hypothesis of the positive impact of the state fertility policy. For a more accurate assessment of the effectiveness of the demographic policy measures, it is advisable to take into account the changing social and economic conditions of life in a region, as well as the consequences of the earlier or present-day demographic policy measures. The results of the study are of practical importance and may be used in the development of demographic policies in the country and in the region.

Keywords: demographic policy, birth rate, reproductive behavior, fertility programs, family policy, demographic analysis of a region

Введение. Среди долгосрочных факторов устойчивого развития экономики страны и региона на первое место выходит человеческий капитал. Существующие в стране институты и реализуемая государственная политика должны быть направлены на формирование и накопление человеческого капитала, который востребован экономикой и может успешно функционировать.

В связи с этим наиболее актуальным является изучение демографического положения в России и регионах. Важнейшей задачей в области социально-демографической политики Российской Федерации – страны с низким уровнем рождаемости – на сегодняшний день становится поддержание демографического роста.

В последние два десятилетия вопрос эффективности демографической политики является особенно важным для России, что связано с неизбежностью старения населения и быстрого роста нагрузки на трудоспособное население, уменьшением количества молодежи и численности женщин, находящихся на пике фертильности. Снижение уровня рождаемости в России, как и во многих странах Европы, определяется действием целого ряда социально-экономических факторов: появлением возможности карьерного роста для женщин, возможностью свободы выбора в вопросах репродуктивного поведения, профессиональной занятости в экономике. Желание иметь нескольких детей и занятость на рынке труда для женщины выступают альтернативными стратегиями.

Государство играет значительную роль в формировании репродуктивного поведения семей, создавая систему стимулов и сдерживающих факторов для реализации репродуктивных планов. В настоящее время основной акцент российской политики по повышению рождаемости сделан на создании стимулов для рождения и воспитания второго ребенка. Целью настоящей работы является определение степени влияния данной политики на изменение показателей рождаемости в стране и регионе. Приносит ли действующая политика ожидаемые результаты? Адекватны ли существующие меры поддержки семей с детьми в условиях социально-экономической ситуации современной России? Повлияли ли новые меры по стимулированию рождаемости на принятие решения о рождении детей? Ответам на эти вопросы посвящена данная статья в рамках научно-исследовательского проекта Центра семьи и демографии «Демографическая устойчивость Республики Татарстан: вызовы, риски, решения, 2017–2020».

Обзор литературы. На сегодняшний день в научной литературе не существует консенсуса по поводу степени влияния семейной политики на репродуктивно-родительские стратегии современных женщин. Согласно неоклассической экономической теории фертильности, основоположником которой является Г. Беккер, решения о рождении ребенка принимаются в процессе анализа выгод и издержек в условиях ограниченного дохода¹. Исходя из экономической теории репродуктивного поведения,

¹ Becker G. S. A Treatise on the family. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1981. URL: <https://brunofvieira.files.wordpress.com/2012/12/gary-becker-a-treatise-on-the-family.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

снижение желаемого числа детей обусловлено увеличивающейся ценой времени женщины. Рост косвенных затрат, связанных с рождением ребенка, и конкуренция этого события с другими этапами жизненного цикла нередко сдвигают вступление в родительство к более поздним срокам и могут приводить к снижению числа детей в целом².

Развивая данную модель, Г. Беккер и Г. Льюис ввели понятие качественного компонента и пришли к выводу, что увеличение располагаемого дохода семьи повышает либо количество детей, либо так называемое качество детей (имеются в виду большие затраты на ребенка)³. А. Готье и Й. Хатциус создали модель, в которой «спрос на детей» (т. е. желание заводить детей) повышается со снижением затрат на ребенка (в результате получения государственных субсидий) или же с увеличением располагаемого дохода (после получения пособий и выплат на ребенка) [1].

Теория рационального выбора, ставшая ключевой концепцией, объясняющей связь государственной политики по стимулированию рождаемости с репродуктивным поведением населения, базируется на двух предположениях: 1) индивидум владеет полным объемом информации об издержках и выгодах того или иного демографического поведения; 2) решение о браке, разводе, намерении иметь детей является экономически рациональным⁴. Данный подход, по мнению критиков модели, сильно упрощает реальность и игнорирует тот факт, что, во-первых, семьи не обладают полной информацией о выгодах и затратах, связанных с рождением ребенка; во-вторых, существуют другие факторы, влияющие на принятие решения родить ребенка (социальные нормы, личное отношение к деторождению, разное восприятие семейных ценностей) [2].

Таким образом, ряд теоретических и прикладных исследований говорит в пользу результативности финансовых мер по поддержке рождаемости, снижающих «альтернативную стоимость» рождения и воспитания ребенка [3; 4]. Однако по результатам других эмпирических работ финансовые меры поддержки семей с детьми не столь эффективны [5–7]. Некоторые авторы приходят к выводам, что влияние мер государственной политики приводит не столько к увеличению общего количества детей, сколько стимулирует более раннее планирование детей [8].

Модели рождаемости, разработанные для развитых стран, могут быть применимы для России и протестированы на российских данных, поскольку

² Blake J. Are babies consumer durables? A critique of the economic theory of reproductive motivation // Population Studies. 1968. Vol. 22. Pp. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.2307/2173350>

³ Becker G. S., Lewis H. G. On the interaction between the quantity and quality of children // Journal of Political Economy. 1973. Vol. 81, no. 2. Pp. S279–S288. URL: https://www.jstor.org/stable/1840425?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 03.02.2018).

⁴ Cigno A. Economics of the family. Oxford, England : Clarendon Press, 1991. URL: <https://www.amazon.com/Economics-Family-Alessandro-Cigno/dp/0198287097> (дата обращения: 03.02.2018).

многие изменения в сфере рождаемости в нашей стране совпадают с теми, что происходят на Западе [9; 10]. Прогнозы и планы в области рождаемости в России схожи с общемировыми, однако имеют свою специфику. Немаловажен и тот факт, что в России демографический переход произошел в гораздо более короткие сроки и гендерный разрыв практически не изменился. В связи с этим особый интерес представляют прикладные исследования, сделанные по бывшим социалистическим странам (странам Восточной Европы) ввиду схожести социально-демографической ситуации постсоветских государств [11]. В странах бывшего социалистического блока на снижение рождаемости, кроме демографических причин, повлияли также социально-экономические, культурные и политические изменения, вызванные сменой уклада. В период экономической нестабильности финансовые меры поддержки семей с детьми утратили свою эффективность. В исследовании Т. Фрейки и С. Гетель-Бастена был впервые предложен систематический анализ семейной политики стран Центральной и Восточной Европы и выделены ее различные типы. Основным выводом работы указывается на недостаточную эффективность проводимых мер [12]. Семейную политику России авторы отнесли к категории пронаталистской, опирающейся на материальные стимулы. Другие работы по политике борьбы с низкой рождаемостью в посткоммунистических странах, напротив, говорят о некоторых положительных результатах [13]. Венгерские ученые определили, что различные меры по поддержке семей оказали влияние на разные категории женщин в Венгрии: увеличение оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком в большей степени повлияло на менее образованных женщин, тогда как на повышение налоговых вычетов на детей откликнулись женщины с высшим образованием [14].

Говоря об исследованиях демографической и семейной политики в современной России, хотелось бы отметить, что публикации в основном касаются общего круга вопросов естественного движения населения и поддержания демографического роста, прикладные работы по эффективности политики рождаемости немногочисленны⁵ [15; 16].

Российские исследования также неоднозначно оценивают результаты пронаталистских мер 2007 г. В. Елизаров и В. Левин приходят к заключению, что среди факторов, влияющих на репродуктивное поведение женщины, основными являются доход, гарантия занятости и доступ к услугам по уходу за детьми⁶. Нехватка детских дошкольных учрежде-

ний в России и низкое качество предоставляемых услуг препятствуют раннему выходу женщин на рынок труда после рождения ребенка⁷.

Л. Н. Овчарова в одной из своих работ оценивает стоимость и структуру «детского» пакета, предоставляемого государством родителям и детям, для наиболее типичных семей с детьми⁸. Автор приходит к выводу, что главный компонент «детского» пакета – страховые пособия по беременности и родам или по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет – положительно сказывается на доходах семьи сразу после рождения ребенка и в течение отпуска по уходу за ребенком. Однако в последствие семьи остаются без значимой поддержки со стороны государства. Указывая на недостаточное стимулирование рождений с помощью системы денежных пособий, Л. В. Овчарова тем не менее показывает, что в результате реформ 2007 г. семьям с детьми удалось повысить свое благосостояние. Это можно считать положительным сдвигом в семейной политике. Данная стратегия контрастирует с практически полным отсутствием системы социальной политики, которая могла бы мотивировать семьи на рождение детей.

Аналізу результативности новой демографической политики посвящены исследования В. Н. Архангельского. Российский ученый проводит региональные сравнения результативности комплекса мер в области рождаемости, реализуемых с 2007 г. Для оценки вклада мер демографической политики и ее результативности автор использует динамику суммарных коэффициентов рождаемости и приходит к выводу, что меры демографической политики внесли в прирост рождаемости гораздо больший вклад, чем действия других возможных факторов⁹. Другие российские исследования более пессимистично оценивают результаты государственной политики: по мнению некоторых авторов, политика не привела к увеличению количества рождений, а лишь ускорила претворение в жизнь уже имеющихся репродуктивных планов семей, в то время как фертильность когорты осталась примерно на прежнем уровне [17; 18].

Материалы и методы. 2006–2007 гг. стали поворотными в государственной семейной и демографической политике России. Приоритетным направлением новой политики в области поддержки демографического роста явилось стимулирование вторых рождений. Данный факт связан со сложившейся

⁷ Синявская О. В., Сухова А. С. Институциональные услуги по уходу за детьми: неравенства в доступе // Семья в центре социально-демографической политики : сб. аналит. ст. М., 2009. С. 73–96.

⁸ Овчарова Л. Н. Детерминанты репродуктивного поведения населения и факторы семейного неблагополучия: результаты панельных исследований // Научные доклады: независимый экономический анализ. М., 2010. № 211.

⁹ Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. М. : Экон-Информ, 2016. 307 с; Архангельский В. Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей // Демографические исследования. 2010. № 3.

в постсоветской России тенденцией доминирования семей с одним ребенком, что и является важной причиной низкой рождаемости. В период с 1990 по 2005 г. Россия была на одном из последних мест по уровню естественного прироста населения (хуже ситуация наблюдалась только в Болгарии, Латвии и Украине). Введение в действие новой семейной и демографической политики в 2007 г. привело к значительному росту рождаемости, особенно заметному в первые два года после проведения реформы.

В рамках данной статьи автор задается целью проанализировать результативность действующей с 2007 г. семейной и демографической политики как в Российской Федерации в целом, так и на примере одного из регионов – Республики Татарстан. Общая численность населения в Республике Татарстан на начало 2017 г. составила 3 885 тыс. чел., среди них людей в трудоспособном возрасте насчитывалось 2 202 тыс. чел., т. е. 56 % от всего населения. Коэффициент демографической нагрузки на трудоспособное население по республике на сегодняшний день составляет 764,43 (лиц нетрудоспособного возраста на 1 000 жителей трудоспособного возраста), особенно высоким является демографическая нагрузка пожилыми людьми (428,3). В целом Республика Татарстан относится к регионам с более благоприятной демографической ситуацией, нежели в среднем по России. Так, суммарный коэффициент рождаемости в Республике Татарстан в 2015 г. составил 1,86, т. е. приблизился к уровню, необходимому для простого воспроизводства населения (табл. 1).

Для проведения демографического анализа нами будут использованы как абсолютные (число рождений), так и относительные показатели демографических событий. Последние рассчитываются как отношение демографических событий к общей численности населения. Известно, что на общие коэффициенты рождаемости оказывают влияние такие факторы, как половозрастной состав населения, брачное состояние и др. В связи с этим для характеристики интенсивности деторождения нами рассматриваются по возрастные демографические коэффициенты. В таблице 2 приведены возрастные коэффициенты рождаемости в Республике Татарстан на 2006 и 2015 гг. Выбор данного периода объясняется тем, что 2006 г. демонстрирует ситуацию с рождаемостью до введения мер демографической политики, а 2015 г. является последним годом, для которого имеются все статистические данные, необходимые для анализа влияния государственных мер.

Последним годом до введения новых мер был 2006 г., тогда прирост числа рождений по отношению к уровню 2000 г. составил 1,9 тыс. чел. За это же время суммарный коэффициент рождаемости в республике снизился на 0,041 (для сравнения по России этот показатель увеличился на 0,148).

Т а б л и ц а 1. Основные показатели рождаемости населения Республики Татарстан (2000–2015 гг.)

T a b l e 1. Main Birth Rates for the Population of the Republic of Tatarstan (2000–2015)

Годы / Years	Суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей у одной женщины за всю жизнь) / Total fertility rate (the average number of children per woman in a lifetime)		Число рождений, тыс. чел. ¹⁰ / Number of births, thousand	
	Величина / Value	Прирост / Increase	Величина / Value	Прирост / Increase
2000	1,292		35,4	
2001	1,298	0,060	35,5	0,1
2002	1,366	0,068	37,9	2,4
2003	1,356	0,010	38,3	0,4
2004	1,343	-0,013	38,5	0,2
2005	1,263	-0,080	36,9	-1,6
2006	1,251	-0,12	37,3	0,4
2007	1,382	0,131	40,8	3,5
2008	1,479	0,097	44,3	3,5
2009	1,538	0,059	46,6	2,3
2010	1,601	0,063	48,8	2,2
2011	1,652	0,051	50,8	2,0
2012	1,796	0,144	55,4	4,6
2013	1,832	0,036	56,4	1,0
2014	1,844	0,012	56,5	0,1
2015	1,863	-0,019	56,6	0,1

¹⁰ Российский статистический ежегодник 2007. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/IssWWW.exe/Stg/d01/04-22.htm; Российский статистический ежегодник 2016. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 13.03.2018).

Таблица 2. Возрастные показатели рождаемости в Республике Татарстан
Table 2. Age-specific Fertility Rates in the Republic of Tatarstan

Возраст / Age	Численность женщин в возрасте 15–49 лет, тыс. чел. ¹¹ / Number of women aged 15–49, thousand		Доля возрастных групп / Share of the age group		Возрастные коэффициенты рождаемости (среднее число деторождений за год на 1 000 женщин данного возраста) / Age-specific birth rates (average number of births per year per 1,000 women of this age)	
	2006	2015	2006	2015	2006	2015
15–19	168,37	92,18	0,16	0,09	19,4	16,1
20–24	156,07	120,08	0,14	0,12	83,9	85,9
25–29	140,24	173,87	0,13	0,18	82,5	131,0
30–34	131,88	156,39	0,12	0,16	47,3	91,1
35–39	126,75	140,14	0,12	0,14	18,7	43,5
40–44	156,20	131,11	0,14	0,13	3,1	9,4
45–49	170,38	125,61	0,16	0,13	0,1	0,5
Итого / Total	1 049,91	939,41	1	1		

В результате предпринятых государством новых мер по поддержке рождаемости населения в показателях рождаемости наблюдается положительная динамика: в 2015 г. по отношению к 2006 г. число рождений увеличилось на 15,8 тыс. чел., а суммарный коэффициент рождаемости по республике – на 0,481 (по России он снизился на 0,402) (рис. 1).

Начиная с 2007 г. наблюдается устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости (см. рис. 1). Заметим, что рост данного показателя практически полностью связан с рассматриваемыми мерами, в отличие от показателя числа рождений, который зависит от многих факторов (численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости).

Коэффициент суммарной рождаемости и возрастные показатели тесно связаны. Следовательно, важно определить вклад возрастных факторов в изменение коэффициента суммарной рождаемости.

¹¹ По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. URL: <http://tatstat.gks.ru> (дата обращения: 13.03.2018).

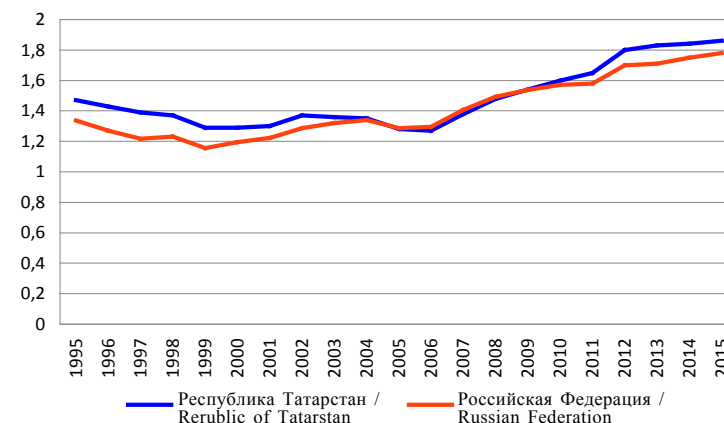

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России и Татарстане
Fig. 1. Dynamics of the Total Fertility Rate in Russia and Tatarstan

Результаты исследования. Анализ, проведенный Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, показал, что наибольший вклад в рост коэффициента суммарной рождаемости внесли женщины в возрасте 25–44 лет. Их динамика в наибольшей степени коррелируется с динамикой суммарной рождаемости. Графики коэффициентов рождаемости возрастных категорий 15–19 и 20–24 лет не коррелируются с графиком суммарной рождаемости, так как рассматриваемые меры были направлены на второго и последующих детей и не захватили самые молодые возрастные группы. Графики суммарной рождаемости России и Татарстана очень схожи. В частности, показатели периода после 2006 г. позволяют сделать те же выводы для Республики Татарстан, что и для Российской Федерации.

Относительно оценки вклада мер государственной демографической политики в общее число рождений надо отметить, что в отличие от суммарного показателя рождаемости общее число рождений в значительной степени зависит от численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости. Так, например, сравнение возрастных показателей рождаемости по Республике Татарстан указывает на смещение пика интенсивности рождений с возраста 20–24 лет, как это было в 2006 г., на возраст 25–29 лет в 2015 г., что связано в первую очередь с продолжающимся в настоящий период процессом «взросления материнства», характерным как для республики, так и в целом для России.

Для «очистки» прироста рождаемости от влияния вышеуказанных факторов сделаем прогноз возрастных показателей рождаемости с применением временных рядов для гипотетической ситуации отсутствия демографических мер. Как наиболее подходящий для применения линейного тренда нами взят период с 1999 по 2006 г. Прогноз носит интервальный характер. Интервал взят из таблицы распределения Стьюдента для вероятности равной 95 %, т. е. с данной вероятностью прогнозируемое значение находится в указанном интервале.

Трендовая функция будет иметь вид

$$y_t = a_0 + a_1 t,$$

где y_t – возрастные показатели рождаемости, t – порядковый номер года. Значение $t = 1$ будет соответствовать 1999 г., $t = 8$ – 2006 г.

Метод построения прогноза позволит определить, каково было бы ожидаемое количество рождений в 2015 г. в условиях отсутствия мер демографической политики.

Для расчета общей численности рождений при предположении, что демографические реформы не проводились, ожидаемое значение для каждой возрастной группы (значение тренда при $t = 17$ в таблице 3) умножим на численность женщин соответствующей возрастной группы в 2015 г. и просуммируем полученные значения. Таким образом, прогнозируемая численность рожденных составит 1 668,923 тыс. чел. (реальное число рождений в России в 2015 г. составило 1 914,7 тыс. чел.) Реальный рост числа рождений по отношению к 2006 г. составил 435,1 тыс. чел., а полученный прогнозируемый – 189,3 тыс. чел.

В таком случае разность между реальным и прогнозируемым приростом числа рождений с 2006 по 2015 г. составит «чистое влияние» демографических мер, которое равно 245,8 тыс. чел., т. е. 56,5 % от реального прироста численности рожденных.

Остальные 43,5 % прироста обусловлены другими факторами. Аналогичные вычисления для границ интервала дают большой разброс для крайних значений прогноза, что отчасти объясняется достаточно долгосрочным для данной ситуации прогнозом ($t = 17$ при длине временного ряда равной 8). Вычисления, проведенные нами на 2013 г. ($t = 15$), дают несколько иные результаты: чистое влияние демографических мер составило 46 % от реального прироста рождаемости по отношению к 2006 г. Полученные результаты интересно сравнить с выводами В. Н. Архангельского на тот же 2013 г. Так, вклад новых мер в прирост рождаемости с 2006 по 2013 г., по мнению ученого, составил свыше 56 %¹².

¹² Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России.

Таблица 3. Построение прогноза численности рождений в Российской Федерации и Республике Татарстан на 2015 г. для определения чистого эффекта демографических мер
Table 3. Predicted number of births in Russian Federation and Republic of Tatarstan for 2015 to estimate the contribution of the demographic policy

Возраст / Age	Численность женщин, тыс. чел. / Number of women, thousand	Тренд / Trend	Значение тренда для $t = 17$ / Trend value for $t = 17$	Прогнозируемое число рождений по трендовому значению, тыс. чел. / Projected number of births according to the trend value, thousand	Интервал прогноза / Interval of projection
<i>Российская Федерация / Russian Federation</i>					
15–19	3287,8	$27,90 - 0,02 \cdot t$	27,50	90 414,50	24,18–30,82
20–24	4137,3	$95,21 - 0,61 \cdot t$	84,83	350 967,15	70,05–99,61
25–29	6123,3	$63,77 + 2,24 \cdot t$	101,88	623 841,80	87,14–116,62
30–34	6116,5	$31,62 + 2,10 \cdot t$	67,47	412 680,25	58,60–76,34
35–39	5653,0	$9,81 + 1,16 \cdot t$	29,63	167 498,39	27,0–32,60
40–44	5282,3	$2,07 + 0,1 \cdot t$	4,28	22 608,24	4,04–4,52
45–49	4804,3	$0,08 + 0,01 \cdot t$	0,19	912,81	0–0,38
<i>Республика Татарстан / Republic of Tatarstan</i>					
15–19	92,18	$24,17 - 0,64 \cdot t$	13,18	1 215,81	9,89–16,47
20–24	120,08	$102,17 - 1,98 \cdot t$	68,51	8 227,34	53,3–83,74
25–29	173,87	$76,98 + 0,98 \cdot t$	93,75	16 301,23	81,4–106,03
30–34	156,39	$40,63 + 1,14 \cdot t$	60,08	9 396,03	50,09–69,28
35–39	140,14	$13,73 + 0,69 \cdot t$	25,60	3 587,94	21,37–29,83
40–44	131,11	$2,72 + 0,04 \cdot t$	3,48	457,08	2,59–4,23
45–49	125,61	0,1	0,1	12,56	0,1–0,1

Для определения степени воздействия мер по стимулированию рождаемости на уровне региона был использован тот же метод регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости по каждой возрастной группе. По аналогии с Российской Федерацией выбран временной период с 1999 по 2006 г. как наиболее подходящий для применения линейного тренда. В таблице 3 приведены также полученные значения для Республики Татарстан. Рост числа рождений, обусловленный проводимой политикой, составил 17,4 тыс. чел., вклад мер демографической политики на такой показатель, как число рождений, – 89,7 % (значение трендовой функции).

Это приближенные значения, вызванные вероятностным характером оценок, однако они все же позволяют сделать вывод, что масштаб влияния мер по повышению рождаемости в Республике Татарстан выше, чем по России в целом. Отличие масштаба влияния мер демографической политики на показатели рождаемости в Татарстане и России может быть обусловлено целым рядом других факторов: действием региональных программ, наличием благоприятных социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе (уровень безработицы в Республике Татарстан один из самых низких в России), особенностями этнического и религиозного состава региона и другими факторами. В республике широко распространение получили целевые программы, направленные на решение социальных вопросов населения¹³.

В регионе реализуется «Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 и на перспективу до 2030 года», цель которой состоит в обеспечении «расширенного воспроизводства населения Республики Татарстан через реализацию последовательной и эффективной государственной социально-экономической политики, направленной на повышение качества жизни населения и минимизацию социального неравенства»¹⁴.

Обсуждение и заключения. Анализ показателей рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан позволяет сделать некоторые выводы о результативности мер демографической политики, вступивших в силу в 2007 г. Для этого нами был проведен сравнительный анализ повозрастных демографических коэффициентов для двух периодов: период до 2007 г. и период активного проведения новой демографической политики (2007–2015 гг.). Сравнение возрастных по-

казателей рождаемости по Республике Татарстан указывает на смещение пика интенсивности рождений с возраста 20–24 лет, как это было в 2006 г., на возраст 25–29 лет в 2015 г. Календарь рождений сместился к старшим возрастам, что соответствует тенденции, наблюдаемой в экономически развитых странах.

Для оценки влияния вклада мер демографической политики был проведен анализ динамики суммарных коэффициентов рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан. Выявлена устойчивая тенденция повышения коэффициента суммарной рождаемости в стране и в регионе начиная с 2007 г., в большей степени связанная с рассматриваемыми мерами. Результаты исследования указывают на существенную роль экономических факторов, влияющих на репродуктивное поведение российских женщин. Вывод об эффективности материальных стимулов в пронаталистских целях обладает практической значимостью и может быть использован при разработке демографической политики. Что касается изменения численности рождений, то в отличие от суммарного показателя рождаемости, оно в значительной степени зависит от численности репродуктивного контингента, структурных сдвигов и изменения возрастных показателей рождаемости.

Сравнение результатов регрессионного анализа с построением временных рядов по возрастным показателям рождаемости указывает на большую степень влияния политики по стимулированию рождаемости в Республике Татарстан, чем по России в целом. Однако следует отметить, что интерпретировать данные результаты необходимо с определенной долей осторожности, так как вычленив эффект влияния мер государственной политики на рождаемость достаточно сложно – репродуктивное поведение в регионе может быть обусловлено в некоторой степени этническими, религиозными и другими факторами, а также экономической и социальной ситуацией в республике.

В заключение отметим, что для более точной оценки результативности мер демографической политики целесообразно учитывать, кроме мер самой политики, роль таких факторов, как изменение социально-экономических условий жизнедеятельности в регионе, а также последствия тех мер демографической политики, которые реализовывались ранее или продолжают действовать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Gauthier A. H., Hatzius J. Family benefits and fertility: An econometric analysis // *Population Studies*. 1997. Vol. 51, no. 3. Pp. 295–306. URL: https://www.jstor.org/stable/2952473?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 03.02.2018).

¹³ Ильдарханова Ф. А., Ильдарханова Ч. И., Шелуханова Л. В. Демографическая результативность федеральных и региональных программ помощи семьям с детьми (2006–2016 гг.): науч.-аналит. доклад. Казань: Изд-во АН РТ, 2016. 231 с.

¹⁴ Комплексная программа демографического развития Республики Татарстан до 2010 года и на перспективу до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/14538> (дата обращения: 13.03.2018).

2. Gauthier A. H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature // *Population Research and Policy Review*. 2007. Vol. 26, issue 3. Pp. 323–346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

3. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries // *Journal of Economic Perspectives*, American Economic Association. 2017. Vol. 31, issue 1. Pp. 205–230. DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>

4. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data // *The Family, the Market and the State in Ageing Societies* / J. Ermisch, N. Ogawa (Eds.). Oxford, England : Clarendon Press, 1994. Pp. 79–104. URL: <https://www.popline.org/node/288863> (дата обращения: 03.02.2018).

5. Zhang J., Quan J., Meerbergen P. van. The effect of tax-transfer policies on fertility in Canada, 1921–88 // *Journal of Human Resources*. 1994. Vol. 29, no 1. Pp. 181–201. DOI: <https://doi.org/10.2307/146061>

6. McDonald P. Low fertility and the state: The efficacy of policy // *Population and Development Review*. 2006. Vol. 32, no. 3. Pp. 401–510. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x>

7. Luci-Greulich A., Thévenon O. Does economic advancement ‘cause’ a re-increase in fertility? An empirical analysis for OECD countries (1960–2007) // *European Journal of Population*. 2014. Vol. 13, issue 2. Pp. 187–221. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9309-2>

8. D’Addio A. C., d’Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies // *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2005. No. 27. DOI: <https://doi.org/10.1787/880242325663>

9. Kohler H.-P., Billari F. B., Ortega J. A. Low fertility in Europe: causes, implications and policy options // *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* / F. R. Harris (Ed.). Lanham, MD : Rowman & Littlefield Publishers, 2006. Pp. 48–109. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.357.4258> (дата обращения: 03.02.2018).

10. Sobotka T. Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe: Evidence from the Czech Republic, Italy, the Netherlands and Sweden // *Demographic Research*. 2003. Vol. 8. Pp. 151–214. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2003.8.6>

11. Sobotka T. Re-emerging diversity: Rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes // *Population*. 2003. Vol. 58, no. 4/5. Pp. 451–486. DOI: <https://doi.org/10.2307/3246652>

12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and family policies in central and eastern Europe after 1990 // *Comparative Population Studies*. 2016. Vol. 41, no. 1. Pp. 3–56. DOI: <http://dx.doi.org/10.12765/CPoS-2016-03en>

13. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia’s pronatalist family policy // *Population and Development Review*. 2013. Vol. 39, issue 4. Pp. 635–647. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>

14. Speder Z., Murinko L., Oláh L. Sz. Sailing close to the wind? The effects of third birth policies in post-communist Hungary // *Working Papers on Population, Family and Welfare*. 2017. No. 27. URL: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/workingpapers/article/view/928/0> (дата обращения: 03.02.2018).

15. Митрофанова Е. С. Демографическое поведение поколения россиян в сфере семьи и рождаемости // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2011. Т. 15, № 4. С. 519–542. URL: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834635.html> (дата обращения: 03.02.2018).

16. Захаров С. В. Целевые индикаторы демографической политики: правилен ли наш выбор? // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2011. № 9. С. 176–180. URL: <http://journal.econorus.org/jarchive.phtml> (дата обращения: 03.02.2018).

17. Захаров С. В. Скромные результаты пронаталистской политики на фоне долговременной эволюции рождаемости в России. Часть 1 // *Демографическое обозрение*. 2016. Т. 3, № 3. С. 6–38. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1745>

18. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. Rostok, Germany : Max Planck Institute for Demographic Research, 2012. 27 p. URL: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

Поступила 21.03.2018; принята к публикации 13.06.2018; опубликована онлайн 28.09.2018.

Об авторе:

Валидова Асия Фаритовна, ведущий научный сотрудник Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Россия, г. Казань, ул. Левобулачная, д. 36а), кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Scopus ID: 56150632800, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

Для цитирования:

Валидова А. Ф. Влияние демографической политики на показатели рождаемости в Российской Федерации и Республике Татарстан // *Регионоведение*. 2018. Т. 26, № 3. С. 494–511. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Gauthier A.H., Hatzius J. Family benefits and fertility: An econometric analysis. *Population Studies*. 1997; 51(3):295-306. Available at: https://www.jstor.org/stable/2952473?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 03.02.2018).

2. Gauthier A.H. The impact of family policies on fertility in industrialized countries: a review of the literature. *Population Research and Policy Review*. 2007; 26(3):323-346. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11113-007-9033-x>

3. Olivetti C., Petrongolo B. The economic consequences of family policies: Lessons from a century of legislation in high-income countries. *Journal of Economic Perspectives, American Economic Association*. 2017; 31(1):205-230. DOI: <https://doi.org/10.3386/w23051>

4. Blanchet D., Ekert-Jaffe O. The demographic impact of fertility benefits: Evidence from a micro-model and from macro-data. *The family, the market and the state in ageing societies*. 1994. p. 79-104. Available at: <https://www.popline.org/node/288863> (accessed 03.02.2018).

5. Zhang J., Quan J., Meerbergen P. van The effect of tax-transfer policies on fertility in Canada, 1921-88. *Journal of Human Resources*. 1994; 29(1):181-201. DOI: <https://doi.org/10.2307/146061>

6. McDonald P. Low fertility and the state: The efficacy of policy. *Population and Development Review*. 2006; 32(3):401-510. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2006.00134.x>

7. Luci-Greulich A., Thévenon O. Does economic advancement 'cause' a re-increase in fertility? An Empirical Analysis for OECD Countries (1960-2007). *European Journal of Population*. 2014; 13(2):187-221. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10680-013-9309-2>

8. D'Addio A.C., d'Ercole M. Trends and determinants of fertility rates in OECD countries: the role of policies. *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*. 2005; 27. DOI: <https://doi.org/10.1787/880242325663>

9. Kohler, H.-P., Billari F.B., Ortega J.A. Low fertility in Europe: Causes, implications and policy options. *The Baby Bust: Who will do the Work? Who Will Pay the Taxes?* 2006. p. 48-109. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/summary?doi=10.1.1.357.4258> (accessed 03.02.2018).

10. Sobotka T. Tempo-quantum and period-cohort interplay in fertility changes in Europe: Evidence from the Czech Republic, Italy, the Netherlands and Sweden. *Demographic Research*. 2003; 8:151-214. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2003.8.6>

11. Sobotka T. Re-emerging diversity: Rapid fertility changes in Central and Eastern Europe after the collapse of the communist regimes. *Population*. 2003; 58(4/5):451-486. DOI: <https://doi.org/10.2307/3246652>

12. Frejka T., Gietel-Basten S. Fertility and family policies in central and eastern Europe after 1990. *Comparative Population Studies*. 2016; 41(1):3-56. DOI: <http://dx.doi.org/10.12765/CPoS-2016-03en>

13. Frejka T., Zakharov S. The apparent failure of Russia's pronatalist family policy. *Population and Development Review*. 2013; 39(4):635-647. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2013.00631.x>

14. Speder Z., Murinko L., Olah L.Sz. Sailing close to the wind? The effects of third birth policies in post-communist Hungary. *Working Papers on Population, Family and Welfare*. 2017; 27. Available at: <http://demografia.hu/en/publicationsonline/index.php/workingpapers/article/view/928/0> (accessed 03.02.2018).

15. Mitrofanova E.S. Demographic behavior of Russians: Family in post-soviet period. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Higher School of Economics Economic Journal*. 2001; 15(4):519-542. Available at: <https://ej.hse.ru/2011-15-4/49834635.html> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)

16. Zaharov S.V. Goal indicators of demographic policy: Have we chosen the right path?. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii = The Journal of the New Economic Association*. 2011; 9:176-180. Available at: <http://journal.econorus.org/jarchive.phtml> (accessed 03.02.2018). (In Russ.)

17. Zaharov S.V. The modest results of the pronatalist policy against the background of long-term evolution of fertility in Russia. Part 1. *Demograficheskoye obozreniye = Demographic Review*. 2016; 3(3):6-38. DOI: <https://doi.org/10.17323/demreview.v3i3.1745>

18. Frejka T., Zakharov S. Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. 2012. 27 p. Available at: <https://www.demogr.mpg.de/papers/working/wp-2012-027.pdf> (accessed 03.02.2018).

Submitted 21.03.2018; accepted for publication 13.06.2018; published online 28.09.2018.

About the author:

Asiya F. Validova, Senior Research Officer, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Science (36a Levobulachnaya St., Kazan 420111, Russia), Ph. D. (Economics), ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5227-0940>, Scopus ID: 56150632800, Researcher ID: O-3406-2018, avalidova@gmail.com

For citation:

Validova A.F. Impact of the Demographic Policy on Birth Rates in the Russian Federation and the Republic of Tatarstan. *Regionologiya = Regionology*. 2018; 26(3):494-511. DOI: 10.15507/2413-1407.104.026.201803.494-511

The author has read and approved the final version of the manuscript.